

Гж. КОЛОДКО,
профессор, директор Исследовательского
центра трансформации, интеграции
и глобализации (TIGER), г. Варшава

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ И МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС*

Все происходит так, как происходит, потому что многое происходит одновременно. Эта фраза, повторяемая как лейтмотив, как главная мысль, лежит в основе того, что мы предлагаем называть теорией стечения обстоятельств развития¹. И хотя предметом этой теории является сравнительное описание и объяснение сущности и механизмов исторического процесса социально-экономического развития, она может быть очень полезна и в других случаях, к примеру, при выяснении причин и механизмов большого экономического кризиса 2008–2010 гг.²

Специфика современного кризиса

Мы имеем дело с чем-то гораздо более серьезным, чем простое временное нарушение уровня хозяйственной активности и абсолютное падение производства, традиционно измеряемое с помощью ВВП³.

Действительно, во всемирном масштабе это самый обширный кризис за послевоенный период. Тем не менее как в интеллектуальном, так в политическом смысле недопустимым упрощением было бы сводить современный кризис к временному падению производства. При его усреднении, что мы как экономисты делаем с большим удовольствием, кризис можно считать делом в принципе завершенным, потому что уже в IV квартале 2009 г. наметился рост мирового производства.

* В основу настоящей статьи положена лекция, прочитанная 30 октября 2009 г. по случаю присвоения Гж. Колодко Финансовой академией при Правительстве Российской Федерации звания *Doctor Honoris Causa* «в знак признания его выдающихся заслуг в научно-исследовательской работе, прежде всего в изучении проблем рыночной трансформации пост-социалистических стран и глобализации, вклада в развитие научных связей между учеными различных стран мира, а также выраженную готовность к сотрудничеству с Финансовой академией в научной и образовательной областях».

¹ Колодко Гж. В. Мир в движении. М.: Магистр, 2009.

² Чаще всего выбираются именно эти временные рамки, хотя своими корнями кризис уходит во времена задолго до 2000 г., а его последствия будут ощущаться и много позже 2010 г.

³ Кстати, от этого последнего как от измерителя надо отходить, заменяя его измерителями равновесного социально-экономического развития. В книге «Мир в движении» я предлагаю другой показатель функционирования экономики и экономического развития — так называемый Интегрированный индекс успеха (ИИУ), в котором ВВП занимает лишь 40%. Остальные 60 распределяются между оценками свободного времени, состояния здоровья, распределения доходов, а также субъективными оценками культурных ценностей, качества жизни и восприятия собственного социального капитала. В аналогичном ключе построен доклад так называемой Комиссии Стиглица—Сена—Фитусси (Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress, Report 2009), созданной по инициативе президента Франции Н. Саркози. Доклад был представлен на конференции в Сорбонне 14 сентября 2009 г. Теперь несколько поколений будут вести политическую, интеллектуальную и методологическую битву за последовательное внедрение разумных рекомендаций — например по использованию ИИУ или предложенных в Report 2009.

Но, к сожалению, кризис продолжается, поскольку выходит далеко за узко понимаемую сферу производства.

Первое десятилетие XXI в. мы начали в условиях улучшения конъюнктуры и с довольно приличным темпом экономического роста. Валовый мировой продукт (ВМП) вырос за первые три года десятилетия в сумме на 9,6%, то есть в среднем по 3,1% в год (в 2001, 2002 и 2003 гг. соответственно на 2,4, 3,0 и 3,9%). Это ускорение наблюдалось и в следующий период, в частности в течение трех лет до кризиса. Так, в 2005–2007 гг. ВМП вырос на 15,5%, то есть в среднем за год несколько более 4,9% (в 2005, 2006 и 2007 гг. соответственно на 4,9, 5,0 и 4,9%). В пересчете на жителя Земли — а население планеты сейчас свыше шести миллиардов, то есть в два раза больше, чем в 1960 г., и в три раза больше, чем 200 лет назад, — это самый высокий темп в зафиксированной статистически истории человечества⁴. Потом произошли замедление и кризис в течение трех лет (2008–2010), когда ВМП увеличился на 4,9%, то есть в среднем на 1,6% в год (в 2008, 2009 и 2010 гг. соответственно на 3,0, –1,1 и 3,1%)⁵. Таким образом прирост за три кризисных года составил столько же, сколько за один докризисный год. Добавим, что такой показатель означает рост производства на душу населения лишь на стагнационные 0,5% в год.

Человек несведущий непременно спросил бы: зачем столько шума из-за того, что лишь в 2009 г. уровень производства упал всего на 1%? Ведь на фоне всего десятилетия, за которое он увеличился на 40%, однопроцентное падение представляется несущественным, если не сказать едва заметным. К тому же уже в середине октября 2009 г. индекс Доу-Джонса снова выправился и превысил 10 000, то есть, казалось бы, прощай кризис, потому что биржевые котировки снова продемонстрировали рост. И тем не менее дело обстоит иначе. Почему?

Во-первых, приведенные выше показатели по годам касаются динамики ВМП в среднем для всего мира. А мир этот, как мы знаем, необычайно разнообразный. Достаточно вспомнить, что если мировое производство росло в первые три года десятилетия в среднем на 3,1% в год, то для группы богатых стран, наиболее развитых экономик, с населением чуть менее 1 млрд человек⁶, этот показатель составлял только 1,6%. Что же касается «развивающихся стран»⁷ — впрочем, в данном контексте это определение можно приводить без кавычек, — где живут 5,8 млрд человек, то он составил 4,3%. В 2005–2007 гг.

⁴ Упрощая, можно допустить, что на душу населения это означает темп роста примерно на один процентный пункт меньше, приняв во внимание, что в это время темп роста человечества составил чуть более одного процента.

⁵ Данные по «World Economic Outlook» Международного валютного фонда за октябрь 2004 г. и октябрь 2008 г., данные по 2009–2010 гг. — прогноз МВФ (см.: World Economic Outlook. Sustaining the Recovery, World Economic and Financial Surveys / IMF. Washington, DC, 2009).

⁶ В соответствии с номенклатурой ВБ и МВФ, это так называемые «advanced economies».

⁷ В документах ВБ и МВФ группа этих экономик называется «developing economies», причем с 2004 г. обозначается как «emerging markets and developing countries». В чем различие между «developing» и «emerging» — неясно. Например, Бразилию и Индию международные финансовые организации считают developing countries, а глобальные инвесторы именуют их emerging markets. Польша и Россия, в свою очередь, в пошманни и международных финансовых организаций, и финансовых рынков относятся к emerging markets.

эти показатели составили соответственно 2,8 и 7,7%, а в кризисные годы «ножницы» расходятся еще больше: это соответственно -0,5% и +4,3%. Меняется мировая экономическая система, причем к лучшему, потому что сокращаются громадные различия между высокоразвитыми и относительно отсталыми странами в уровне производства и жизни. Кризис сокращает этот разрыв, что следует признать положительным явлением. Если, скажем, в 2000 г. китайский ВВП на душу населения (по ППС) составлял лишь 6,7% от американского уровня (соответственно 2377 и 35 252 долл.), то в 2010 г. это соотношение достигло 15% (7200 и 47 400 долл.)⁸.

Во-вторых, современный кризис — это больше кризис перераспределения, чем производства. Действительно, колебания ВВП ощутимы, но колебания, в том числе и абсолютные падения, размеров потребления и особенно инвестиций значительно сильнее. Велики региональные и отраслевые различия: нарушения в большей степени коснулись Западной Европы, чем Северной Америки, а Восточная Европа пострадала больше, чем Западная. Говоря о пертурбациях в сфере распределения в американской (впрочем, не только американской) экономике, можно отметить, что на этот раз кризис оказался гораздо более чувствительным для Уолл-стрит, чем для Мэйн-стрит, то есть для финансового сектора, а не для наемного труда, salariата. Или другими словами: он в большей степени затрагивает так называемые *белые воротнички*, чем *синие*. Значительно сильнее кризис бьет по автомобилестроению, чем по пищевой промышленности. Последствия перераспределения — как в масштабах всего мира, так и в масштабах отдельных народно-хозяйственных комплексов — сильно различаются.

В-третьих, тенденции на финансовых рынках — в том числе и положительные, выражающиеся в росте котировок, — нельзя считать автоматическим показателем возвращения экономики к «нормальному» состоянию (допуская, что такое состояние вообще существует). Происходит нечто противоположное: поскольку спекуляции на этих рынках носят иррациональный характер и возник чрезмерный отрыв финансового сектора от реального, тенденции могут быть проявлением, а то и одной из причин кризисов производства.

В-четвертых, потрясения в сфере производства и обращения сопровождаются падением занятости, которое в принципе автоматически сопровождается ростом безработицы. Она продолжает расти и в фазе выхода мировой экономики из рецессии. Можно предположить, что на рубеже 2009—2010 гг. безработных в мире насчитывается приблизительно на 60—80 млн больше, чем полтора года назад. И их армия продолжает расти, причем не только в странах, которые преодолели рецессию или переживают ее, но и в тех, которые по разным причинам избежали падения производства. Таким образом, безработица растет в США и Германии, Китае и Индии. Уровень безработицы в США

⁸ Китайский ВВП на душу населения (по ППС) достигает 46% от уровня российского и 39% от польского, хотя десять лет назад эти показатели составляли едва 31% и 23% соответственно. Оценки ВВП на душу населения в соответствии с паритетом покупательной способности основаны на данных Всемирного банка. См. также: IMF Data Mapper. www.imf.org/external/datamapper/index.php.

самый высокий за 25 лет и, похоже, как и в Евросоюзе, находится на психологическом пороге 10%. В Польше, которой формально удалось пережить кризисный период без абсолютного снижения производства, безработных по сравнению с началом 2008 г. примерно на 250 тыс. выше. При этом важно, что изменения на рынке занятости довольно хаотичны и затрагивают отдельные секторы гораздо сильнее, чем всю экономику; особенно это касается отраслей, работающих на экспорт, а также строительства и автомобилестроения. На рынке труда происходит радикальное перераспределение, что имеет как экономические, так и социальные последствия.

В-пятых (и это, по-видимому, самое важное), нынешний кризис носит фундаментальный характер. Это не просто еще один, хотя и особенно наглядный и интересный пример кризиса конъюнктуры, не первый и не последний в бурной истории рыночного хозяйства. Это системный кризис современного капитализма, а точнее — его неолиберальной мутации, которая стала преобладать в течение жизни последнего поколения в значительной части мира. А если это так, то одного лишь ухода от негативных тенденций в сфере производства, то есть от дна рецессии и возвращения на путь роста, отнюдь не достаточно, чтобы говорить о завершении кризиса.

Можно ли было предотвратить кризис?

Часто задают вопрос: можно ли было предотвратить нынешний кризис? Если вопрос ставить в таком общем виде, то он не найдет адекватного ответа, поскольку необходимо указывать время, которым мы располагаем для борьбы с кризисом, то есть в какой временной перспективе нынешний кризис можно было бы предотвратить. Другими словами, перед нами сложный вопрос: не только когда, но и как мы должны были действовать?

По-разному прозвучит ответ, если задавать различный временной горизонт: 3 года, 13 или 30 лет. И такой подход делает понятнее сущность нынешнего кризиса, обнажая его причины, механизм и последствия. Это очень полезно и в плане уроков на будущее, предложений о предотвращении грядущих коллизий, которые отстоят от нас на 3, 13 и 30 лет. Ибо надо понять, что день сегодняшний — не что иное, как будущее прошлого.

Понятно, что 3 года назад мировой кризис уже был неизбежен. Степень оторванности финансового сектора от реальной экономики, в которой производятся необходимые для жизни — и для процесса воспроизводства — товары и услуги, была так велика, что необходимая коррекция, которая должна состоять в сокращении этого разрыва, могла быть только кризисной, шоковой. Чего политика не может сделать заранее, то должен сделать кризис после. Только обходится нам это очень дорого.

Разрушение базисных ценностей экономической деятельности (не везде, но во многих сегментах экономически взаимозависимого мира, и особенно в его центре, которым остаются США) три года назад достигло такой стадии, что не было политических сил, которые в рам-

ках существовавших институтов смогли бы направить экономику на путь бескризисного развития. Слишком сильной была неравносность в масштабах всего мирового хозяйства. Мир как таковой, в сущности, единое замкнутое хозяйство, но, несмотря на масштабные процессы глобализации⁹, планетарное хозяйство скорее делится на примерно 200 национальных экономик, нежели состоит из десятка с небольшим крупных интеграционных объединений вроде развитого Евросоюза или институционально отсталого СНГ.

Любой экономике свойственно внешнее неравновесие, выражающееся в дефиците (чаще) или в превышении (реже) текущих оборотов. Если абстрагироваться от ошибок в расчетах и чрезвычайных потерь, то в мировом масштабе превышения и дефициты взаимозачитываются и баланс становится нулевым. Но если сложить стоимость всех дефицитов со стоимостью всех превышений на счетах текущих оборотов и соотнести эту агрегированную величину с ВВП, то в 2008 г. этот показатель составил 6%¹⁰! И как при таком масштабе структурных дисбалансов не упасть?

А можно было предотвратить нынешний кризис 13 лет назад, в 1996 г.? Здесь ответить сложнее. Попытки такого рода осуществлялись. Тогда шли острые дискуссии между монетаризмом (лежащим в основе неолиберализма) и неокейнсианством, которое, кажется, теперь во многих кругах переживает второе рождение¹¹, хоть и не является панацеей от современных болезней. Во многих странах — в большом Китае или в маленькой Словении — удалось полностью отбить атаку неолиберализма, в других странах это получалось временами, как, например, в Индии или Польше в период осуществления «Стратегии для Польши» в 1994—1997 гг. Несколько стран Латинской Америки, которые поверили в Вашингтонский консенсус (или позволили его себе навязать), были вынуждены предпринять неординарные меры, что лишь позже дало свой положительный результат, не только в Бразилии и Аргентине. В США и Великобритании сделали попытку создать иную концепцию функционирования экономики и ее развития. Но ни инспирированный демократами так называемый «клинтонизм», ни форсированный (не последовательно и не слишком убедительно) в Великобритании лейбористский «блэйризм» не сумели справиться с неолиберальной бурей.

А 30 лет назад? Можно ли было тогда избежать кризиса? Разумеется, да. Тогда, в условиях нарастающего процесса глобализации (а десять лет спустя — и набравшей силу постсоциалистической системной трансформации), достаточно было — всего лишь! — не влезать в неолиберальную колею, а пойти по пути, намеченному в модели социальной рыночной экономики. Для последней характерен императив социального единства, институционализация экономики, позволяющая

⁹ Подробнее о глобализации см.: *Kolodko G. W. Globalizacja a perspektywy rozwoju krajow posocjalistycznych*. Toruń: Towarzystwo Naukowe Organizacji i Kierownictwa, 2002. www.tiger.edu.pl/~kolodko/ksiazki/Globalizacja_a_perspektywy_rozwoju.pdf; *Kolodko G. W. The World Economy and Great Post-Communist Change*. N. Y.: Nova Science Publishers, 2006; *Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции*. М.: Мысль, 2003.

¹⁰ Это означает, что в глобальном масштабе сумма отрицательных и положительных сальдо текущих оборотов составила примерно 5 трлн долл. при ВВП в размере около 78 трлн (считая в соответствии с текущими валютными курсами).

¹¹ См.: *Skidelsky R. Keynes: The Return of the Master*. N. Y.: Public Affairs, 2009.

расцвести частному предпринимательству при условии заботы государства о равномерном распределении результатов роста производительности труда и повышения эффективности капитала, а также его постоянным вниманием к природной среде обитания человека и культурным аспектам развития. Но развитие пошло иным путем — из-за агрессивной жадности и всепобеждающей глупости, вследствие относительной слабости на мировой арене Скандинавских стран, имеющих хорошо налаженное социальное рыночное хозяйство, в силу исключительной занятости стран своими делами (в Германии — воссоединение земель, в Японии — структурный кризис), а также из-за наивности части интеллектуальных и политических элит в странах так называемых формирующихся рынков (*emerging markets*), в большей даже степени в странах постсоциалистической трансформации, чем в других частях света. Из этого надо суметь сделать выводы на будущее, то есть быть готовым интеллектуально и иметь политическую волю. Впрочем, нет гарантий, что этот урок пойдет на пользу.

Неолиберализм как источник мирового кризиса

Данный кризис не мог возникнуть в странах с налаженной социальной рыночной экономикой, например в Скандинавских странах, — он мог появиться только в условиях неолиберальной англо-американской модели¹². Ибо такое сильное потрясение могло произойти лишь в результате стечения многих политических, социальных и экономических (а также технологических, ибо без Интернета оно было бы невозможно) обстоятельств. Наложение друг на друга этих обстоятельств обусловлено типичной для неолиберализма комбинацией ценностей, институтов и политики.

Эти ценности чересчур воспевают индивидуализм и излишне превозносят жадность, возводя этот порок в ранг добродетели, которая якобы движет экономикой, а также пренебрегают социальными аспектами хозяйственной деятельности и не рассматривают человека как центр процесса воспроизводства. Согласно этой доктрине, торговать стоит всем, что только может приносить прибыль, в том числе и ожиданиями.

В институциональном аспекте неолиберализм сделал государство и его регулирующую практику публичным врагом номер один. Манипулируя (надо признать, великолепно) общественным мнением через СМИ и, к сожалению, через часть научного сообщества, особенно через экономистов, либералы навязывают концепцию «малого» (читай: слабого) государства и минимализации его вмешательства в спонтанные рыночные процессы, хотя именно государство является, наряду с рынком, суперинститутом современного хозяйства. Лишь умная синергия мощи невидимой руки рынка с видимой головой государства дает шанс на долгосрочный экономический успех, особенно в странах с «формирующимся рынком», в частности в экономиках постсоциалистической трансформации. Институциональный интервенционизм —

¹² Подробнее о сути неолиберализма см.: *Harvey D. A Brief History of Neoliberalism*. Oxford, NY: Oxford University Press, 2005.

неизбежность для современного капитализма, чего неолиберализм не приемлет в силу исповедуемых ценностей, но прежде всего по причине заботы об определенных групповых интересах.

Что же касается неолиберальной политики, то она принципиально путает цели и средства. Цель экономической политики — долгосрочное равновесное развитие, причем не только экономическое, но и социальное и экологическое. Низкая инфляция, положительные процентные ставки, сбалансированный бюджет, быстрая приватизация, режим валютного курса, биржевые котировки, налоги (разумеется, низкие) — это только инструменты политики, и нельзя подчинять стратегию и экономическую политику показателям, лишь иллюстрирующим явления и процессы в этих сферах. В рамках неолиберальной политики, чтобы улучшить материальное положение узких элит за счет большинства общества, прибегают к таким фундаментальным идеям либерализма, как свобода и демократия, частная собственность и предпринимательство, конкуренция и экономическая свобода. Но выступать на словах за них *pro publico bono* и эксплуатировать их в интересах меньшинства за счет большинства — две совершенно разные ипостаси одной политики.

При этом нынешние нарушения в мировой экономике не сводятся к финансово-экономическому кризису. Пертурбации начались с серьезного финансового кризиса, который быстро перекинулся на сферу производства. Теперь кризис охватил социальную сферу, из которой постепенно перетекает в сферу политическую. И на все это постепенно начинает накладываться *кризис в сфере ценностей и идеологии*.

Однако это не всеобщий кризис капитализма, поскольку последний обладает исключительными адаптивными способностями, что не раз наблюдалось на протяжении мировой истории. Так будет и в обозримом будущем. Но в данном случае совершенно определенно можно сказать, что мы имеем дело с крахом неолиберальной модели. До открытого кризиса ей прекрасно удавалось манипулировать общественным мнением там, где неолиберальное течение одерживало верх — от США в годы господства рейганомиики и Великобритании времен главенства тэтчеризма до стран Латинской Америки, позволивших навязать себе так называемый Вашингтонский консенсус в 1990-е годы, и далее до России времен президента Ельцина и Польши в момент шока без терапии в начале ее постсоциалистической системной трансформации. В настоящее время на повестке дня — борьба за то, чтобы неолиберальной доктрине, после сделанных ей косметических изменений и незначительной корректировки, не удалось еще раз вернуть мировое хозяйство на свою колею.

Начавшийся в 1970-е годы процесс отрыва финансового сектора от реального стал особенно интенсивным за последние 25 лет и привел к неслыханному раздуванию спекулятивного пузыря. Именно для того, чтобы стали возможны крупномасштабные спекуляции, были созданы производные финансовые инструменты, агрегированная ценность которых на мировом финансовом рынке в 2007 г. оценивалась в 600 трлн долл., что в десять раз превышает ценность произведенного в том году ВВП.

Нынешний кризис поэтому не был вызван падением рынка ипотечных кредитов в США, поскольку это был всего лишь взрыватель бомбы. Считать причиной кризиса провал ипотечного рынка означает

или попытки уйти от моральной, политической и интеллектуальной ответственности за мировой экономический кризис со стороны неолиберализма, или скольжение по поверхности явлений. Ибо именно последовательное ослабление института государства и неконтролируемый, деструктивный уход от регулирования привели к нарастанию иррациональности в мировом хозяйстве, плодом которой и стал кризис.

Поэтому уже 3 года назад его нельзя было предотвратить. Попытки, имевшие место 13 лет назад, не были достаточно целенаправленными и последовательными, чтобы придать изменениям благоприятное направление. А вот 30 лет назад такого развития событий наверняка можно было избежать. Из такого, казалось бы, общего наблюдения следуют фундаментальные выводы на будущее, поскольку это отнюдь не последний большой кризис.

В итоге следует положительно оценить то, как на финансовый кризис в краткосрочной перспективе отреагировала текущая политика — и фискальная, и монетарная. Увеличение предложения денег для экономики в условиях нарастания неиспользования производственных мощностей было правильным шагом. И благодаря «смазке» хозяйственного механизма неинфляционными деньгами были достигнуты положительные результаты — от США через Западную Европу до Китая и Бразилии. Впрочем, это всего лишь воздействие на проявления и последствия кризиса.

Треугольник развития: ценности — институты — политика

В сфере ценностей необходимо движение от «иметь» к «быть», хозяйственная деятельность должна все в большей степени принимать во внимание культурные условия и социальную среду. Должны быть переосмыслены цели развития.

Следует принципиально перестроить институты, в рамках которых функционирует становящееся все более взаимозависимым мировое хозяйство. Существующая в настоящее время система международных институтов способствует скорее глобальному хаосу, чем глобальному порядку. Экономика будущего нуждается в институтах, позволяющих скоординировать в мировом масштабе и политику.

Принимая во внимание меняющиеся ценности и новые цели, которые появляются на этой фазе своеобразного цивилизационного путешествия, следует иначе подходить как к способам осуществления политики, так и к ее инструментарию. Акценты нужно перенести на наднациональную координацию. И тогда в будущем — если, конечно, мы хотим избежать больших кризисов — придется умело передвигаться в ареале своеобразного треугольника развития, уравновешенного в социальном, экологическом и экономическом плане. Вершины этого треугольника составляют ценности, институты и политика.

Эффективными могут быть лишь та стратегия развития и та экономическая политика, которые исходят из корректной экономической теории. Теория *стечения обстоятельств развития* отвечает на вопрос,

что от чего зависит в долгосрочных процессах развития. В свою очередь, новый прагматизм — это нормативный подход, демонстрирующий, как на основе этой теории можно построить лучшее будущее.

Назовем восемь главных черт теории стечения обстоятельств развития:

- 1) отказ от любого догматизма как интеллектуального «корсета» и фактора, слишком односторонне направляющего поиск ответов на конкретные вопросы;
- 2) неприятие слепого подчинения какой бы то ни было идеологии или политической линии, поиски объективной истины без уступок расхожим и консенсуальным истинам;
- 3) отказ от попыток создать универсальную теорию экономического роста, переключение внимания на специфические черты явлений и процессов, неразрывно связанных с макроэкономическим воспроизводством;
- 4) междисциплинарный подход, в рамках которого в экономических рассуждениях используются достижения других наук, особенно истории, футурологии, географии, права, социологии, психологии, науки об управлении, науки об Интернете;
- 5) широкое применение экономической компаративистики;
- 6) перемещение в многомерном пространстве, состоящем из конкретных исторического, географического, культурного, институционального, политического, социального измерений;
- 7) отделение целей деятельности от средств их достижения;
- 8) инструментальная гибкость, открытая для разнонаправленных поисков предохранительных мер, подходящих для конкретной специфической ситуации.

Меньше идеологии — больше прагматизма. Этот принцип смело можно назвать новым прагматизмом, поскольку он должен опираться на новый аналитический и теоретический подход, принимающий во внимание отличные от существовавших прежде условия хозяйственной деятельности, появившиеся в результате глобализации.

Теория стечения обстоятельств развития, будучи ориентирована на отдельные проблемы, послужит прекрасной основой для прагматических действий, направленных на решение конкретных задач. Здесь, в сущности, речь идет о неортодоксальной экономической теории и даже шире — о теории общественной науки, ориентированной на практику, то есть в масштабах макроэкономических и социальных — а по сути в планетарном масштабе — на политику, глобальную стратегию развития в широком смысле.

При этом новый прагматизм является логическим продолжением понимания необходимости иного подхода к государственному вмешательству. Этот подход не означает вмешательство в производственные процессы, он должен сводиться к разумному манипулированию их обстоятельствами. Это должен быть современный институциональный, а не конъюнктурный интервенционизм.

Но для того чтобы неолиберальное течение навсегда вынести на свалку истории — ибо там его место, необходимо предложить взамен нечто более приемлемое как в теории, так и на практике. И именно такой альтернативой могут стать теория стечения обстоятельств развития и новый прагматизм.